

УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ ТРУДА

Глава VII

Условия производительности элементов производства

1. Мы кончили общий обзор элементов производства. Мы нашли, что они подводятся под три разряда: труд, капитал, материалы и двигательные силы, доставляемые природою. Из них труд и природный необработанный материал первоначальные элементы, без которых нельзя обойтись. Двигательные силы природы могут быть призваны на помощь труду; но они только помогают производству, оно может обходиться и без них. Наконец, последний элемент, капитал, сам продукт труда: итак, его деятельность в производстве есть в сущности тоже деятельность труда, только принявшего иную форму. Но тем не менее капитал должен считаться особенным элементом производства. Предварительное приложение труда на производство капитала, нужного для потребления во время работы, столь же необходимо, как и приложение труда на самую работу. В капитале опять различаются две части: одна, по размеру гораздо большая другой, способствует производству только тем, что поддерживает существование производящего труда; другая часть (орудия и материалы) прямо содействует производству, тем самым способом, как содействуют ему силы природы и доставляемые природою материалы.

Теперь мы дошли до другого великого вопроса политической экономии: от чего зависит степень производительности этих элементов? Вопрос возбуждается очевидностью большого различия их производительности в разных местах и в разные времена. При одинаковом размере населения и территории одни страны получают гораздо большую массу продуктов, чем другие; одна и та же страна в одно время получает большую массу продуктов, чем в другое. Сравните Англию с равною ей по пространству или по населению частью России; сравните нынешнюю Англию с средневековою Англиею; сравните нынешнюю Сицилию, северную Африку или Сирию с тем, что были эти же самые страны во времена своего процветания, до завоевания римлянами. Из причин, от которых зависит эта разница в производительности, одни сами собою явны для всякого, другие не так прямо бросаются в глаза. Мы перечислим некоторые из них.

2. Самую явную из причин более высокой производительности составляют так называемые естественные преимущества. Они бывают различны. Плодородность почвы одно из главных между ними. В этом отношении разные земли очень различны, начиная с арабских пустынь до равнин Ганга, Нигера и Миссисипи, образовавшихся из осадков речного ила. Есть страны, способные быть обитаемыми, но по своей холодности недоступные земледе-

лию. Их жители не могут подняться выше кочевого состояния; пропитываются они, как, например, лапландцы, стадами оленей, если не охотой и рыболовством, как жалкие эскимосы. Есть земли, как, например, северная часть Шотландии, в которых созревает овес, но не созревает пшеница; в других, как в некоторых частях Ирландии, пшеница может расти, но дает слишком неверную жатву, оттого что бывает слишком много дождя и мало ясного времени. С каждым шагом на юг, или в умеренной полосе (западной) Европы на восток становится сначала возможна, а дальше и выгодна какая-нибудь новая отрасль земледелия: постепенно мы встречаем виноград, маис, фиговое дерево, оливковое дерево, шелковичное дерево, рис, финиковое дерево, наконец достигаем сахарного тростника, кофе, хлопчато-бумажного кустарника, гвоздичного дерева в климатах, которые в год дают даже при малой обработке две или три жатвы менее высоких земледельческих продуктов. Не для одного земледелия важны климатические различия: их влияние чувствуется на многих других отраслях производства в степени прочности всех продуктов, стоящих на воздухе, например, зданий. Если бы храмы Карнака и Луксора ⁶⁰ не были повреждены людьми, они остались бы в первоначальной целости, можно сказать, навсегда, потому что надписи, находящиеся на некоторых из них, хотя и сделаны еще до начала достоверных исторических времен, сохранились свежее, чем в наших климатах надписи, сделанные за пятьдесят лет; а в Петербурге самые массивные здания, построенные из гранита всего за одно поколение, уже почти требуют перестройки, по рассказам путешественников, от действия переходов из летнего зноя к сильному морозу. Превосходство тканей южной Европы над английскими по богатству и чистоте некоторых цветов приписывается тому, что атмосфера в южной Европе лучше, и ни технология, ни искусство красильщиков не могло до сих пор в нашем туманном климате заменить этого преимущества.

Другая сторона климатического влияния состоит в том, что лучший климат уменьшает материальные надобности производителей. В жарких странах люди могут удобно существовать в домах, построенных не так прочно, и с одеждою менее теплою; топливо там нужно почти только для промышленного употребления, а для жизни там не нужна эта необходимость холодных климатов. Пищи также нужно там меньше; этот факт давно был доказан опытом, когда еще теория и не объясняла его тем наблюдением, что большая часть потребляемой нами пищи нужна не собственно для питания органов, а для поддержания животной теплоты и для доставления жизненным функциям того возбуждения, которое в жарких климатах уже почти в достаточной степени дается воздухом и солнечным светом. Таким образом большое количество труда, расходуемое в холодных климатах на добывание первых necessities жизни, не нужно в жарких климатах и остается в них большее количество труда на высшие потребности и на удовольствия, если характер жителей не ведет их к потере этих выгод излишним размножением населения или любовью к бездельствию.

Кроме почвы и климата, из числа естественных преимуществ надобно упомянуть об изобилии минеральных продуктов, лежащих в удобных положениях, так что можно добывать их довольно легко. Таковы великобританские каменноугольные пласты, служащие для жителей столь важным вознаграждением за невыгоды климата; почти столь же изобилен и важен для Великобритании и Соединенных Штатов огромный запас железной руды, удобной для выплавки, лежащей не очень глубоко под поверхностью земли и в близком соседстве с каменноугольными пластами, нужными для выплавки ее. В горных и холмистых округах изобилие водяной двигательной силы, даваемой природою, служит значительным вознаграждением за то, что почва в этих странах обыкновенно бывает не очень плодородна. Но едва ли не важнее всех этих выгод приморское местоположение, особенно когда по берегам есть хорошие естественные гавани; после приморского местоположения важнейшую выгоду составляют большие судоходные реки. Правда, что польза от моря и от больших рек состоит исключительно в том, что они сберегают расходы по перевозке. Но только люди, размышлявшие об этом предмете,

вполне понимают, какая огромная экономическая выгода приносит таким сбережением, и оценить ее надлежащим образом можно только, сообразив влияние обмена и так называемого *разделения труда на производство*. Эта выгода так важна, что часто с избытком вознаграждает за бесплодие почвы и почти за все другие естественные невыгоды; в особенности относится это к тому раннему периоду промышленности, когда труд и наука еще не создали искусственных средств сообщения, могущих соперничать с естественными. В древнем мире и в средние века самыми цветущими обществами были не те, которые имели наибольшую территорию или плодороднейшую почву, а те, которые, как Афины, Тир, Марсель, Венеция, вольные города Балтийского моря, были принуждены бесплодием почвы обращаться к извлечению всей возможной пользы из своего удобного приморского положения.

3. Преимущество, доставляемое при равенстве других условий всеми этими естественными выгодами, так очевидно, что каждый ценит его надлежащим образом. Но опыт свидетельствует, что качества и способности самого общества еще важнее для него, чем естественные выгоды, как и в отдельном человеке они важнее богатства и знатности. Богатейшими и могущественнейшими нациями всегда были не те, которые обладали наилучшим климатом и почвою; — напротив, масса народа в нациях, имевших величайшие выгоды почвы и климата, вообще бывала и остается очень бедна, хотя при всей своей бедности она, вероятно, больше наслаждается, чем масса у других наций. В этих странах для поддержания жизни надобно так мало, что бедняки редко страдают от нужды, и в этих климатах, где самое существование служит уже наслаждением, любимая их роскошь — бездействие. Энергии, вызываемой страстями, у них много, но нет той энергии, которая выражается упорным и настойчивым трудом; редко заботясь об отдаленных целях, они не могут установить у себя хороших политических учреждений, и промышленные побуждения ослабевают в них недостаточным обеспечением плодов промышленности. Успешность в производстве, подобно успеху почти во всех других делах, зависит от самих действующих больше, чем от обстоятельств, в которых они действуют; а физическая и умственная энергия развивается затруднениями, а не отсутствием препятствий. Почти все племена, завоевавшие другие племена и заставившие их работать в свою пользу, воспитались суровою жизнью; они были вскормлены в северных лесах или, если природная их жизнь не была сурова, они придавали ей искусственную суровость строгою военною дисциплиною, как было у греков и римлян. Когда положение нынешнего общества дозволило оставить эту дисциплину, юг перестал производить племена завоевателей; военная энергия, подобно мыслительной и промышленной энергии, стала иметь главным своим жилищем север, где природа менее благоприятна *.

* В примечании шестом (стр. 23) мы должны были сделать оговорку против ни на чем не основанной гипотезы о сильном влиянии племенных, органических особенностей на экономическую судьбу разных народов. Здесь надобно сделать такую же оговорку о предполагаемом преимуществе северной полосы умеренного климата над южною полосою его и в особенности над тропическим климатом. Это мнение чрезвычайно распространено; каждый повторяет избитую фразу, что благосклонность южной природы располагает человека к бездействию, что южный зной убивает в нем энергию. Очень интересно для проверки таких фраз сравнить мнения нынешних передовых стран с мнениями писателей классической древности. Для англичанина, немца, француза Италия уже юг, ее климат уже убийствен для энергии. Греческие и римские писатели находили, напротив, что именно только Греция и Италия имеют умеренный климат, развивающий энергию, а дальше на север, за Дунаем и за Альпами, климат уже так суров, что не допускает развития цивилизованной жизни. Что такое юг, что такое север в устах каждого из нас? Ведь это разделение зависит просто от того, под каким градусом широты привыкли жить мы сами. Говорят, зной убивает энергию труда. Но в какое

Итак, вторую причину более высокой производительности надобно поставить большую энергию труда, разумея тут постоянную и привычную энергию, а не такую, которая обнаруживается по временам и случайно. Никто без ропота не может переносить большого количества временных обременений и утомления, чем северо-американский индеец; никто не может столько времени, как он, держать в величайшем напряжении свои физические силы и те умственные способности, какие есть в нем; но этот индеец впадает в величайшую бездейственность, как только найдется у него недолгий покой от настоятельных нужд минуты. Отдельные люди и целые нации разнятся между собою не столько по количеству усилий, какие могут и готовы они делать под влиянием сильных побуждений настоящего, сколько своею способностью трудиться для отдаленных целей и своим прилежанием к работе в обыкновенных обстоятельствах. Некоторая степень этих качеств служит необходимым условием для всякого значительного улучшения в быте. Чтобы цивилизовать дикаря, нужно внушить ему новые потребности и желания, хотя бы и не очень высокого рода, чтобы стремление удовлетворить им могло побуждать его к постоянной и правильной физической и умственной деятельности. Если бы негры на Ямайке и в Демераре по своем освобождении удовлетвоались, как предсказывалось тогда, одним необходимым для жизни, если бы они бросили всякий труд, кроме очень небольшого труда, достаточного на поддержание жизни в тропическом климате при малочислен-

время бывают самые обширные и самые тяжелые работы, например, в России, которая называется страной отчасти умеренного, отчасти холодного климата? Главная часть земледельческих работ совершается у нас во время такого зноя, какого не бывает в Неаполе. Зимой мы можем мерзнуть, но все свое продовольствие, три четвертых или четыре пятых части всего своего производительного труда, совершаем под таким палящим солнцем, какого не испытывают жители Малой Азии, апатию которых мы странным образом приписываем обстоятельству, не удерживающему нас от самой усердной работы. Вот для любопытных сравнение нескольких наших местностей с местностями тропического пояса по средней годичной температуре и по температуре периода главных наших земледельческих работ. Берем эти цифры из Берггаузова Физического Атласа⁶¹. Температура в нем показана по 100-градусному термометру.

	Средняя годичная температура	Температура теплейшего месяца
Якутск	— 7,5	+ 20,3
Нижний Новгород . .	+ 3,6	+ 20,7
Тамбов	+ 5,1	+ 20
Утткамунд (Ост-Индия)	+ 13,9	+ 16,9
Квито (Центр. Аме- рика)	+ 15,6	+ 16,3

Правда, мы из длинного списка тропических местностей нарочно отыскали те исключительные местоположения, в которых даже средняя температура целого теплейшего месяца ниже температуры того же времени года в нашем холодном климате. Но не забудем, что средняя температура месяца у нас вовсе не близка к температуре дневных часов того же месяца, потому что за чрезвычайно знойным днем следует у нас холодная ночь, между тем как в тропическом климате разница между температурою дня и ночи невелика. Вообще говоря, температура самого жаркого времени в Ост-Индии и в южной части Соединенных Штатов простирается от 25 до 30° Цельсия термометра. Кто же из нас не знает, что у нас в России дневной зной доходит во время главных наших работ до степени гораздо высшей? Наши земледельцы работают на 35 или больше градусах жара по Цельсию. Уже из

ном населении и при множестве богатейшей земли, то они впади бы в состояние более варварское, хотя и более счастливое, чем в каком были прежде, при рабстве. Любовь их к щегольской одежде и к нарядам послужила самым надежным средством склонять их к труду. Никто не станет называть делом достойным поддержки вкус к щегольству, и почти во всех обществах эта склонность не столько обогащает, сколько разоряет; но при той степени развития, на какой были негры, щегольство действительно служило, может быть, единственным побуждением, способным обращать их к добровольному систематическому труду и к приобретению или сохранению привычек добровольного прилежания, которое могло бы потом обратиться к достойнейшим целям. В Англии надобно учить людей не желанию богатства, а употреблению богатства и уметь ценить вещи, которые не могут покупаться богатством или достигаются без помощи богатства. Будут ли приобретать англичане более высокие стремления или будут только научиться вернее оценивать предметы своих нынешних желаний, во всяком случае всякое действительное улучшение английского характера непременно будет умерять пылкость их стремления к приобретению богатства. Но такое улучшение характера еще не влечет за собою уменьшения той усердной и практичной прилежности к своему делу, которая находится в лучших между английскими работниками и составляет самое ценное их достоинство.

Редко люди умели держаться на разумной середине, состоящей в том,

этого можно заключить, что если между европейским и южно-азиатским работником есть разница в энергии труда, то причину его надобно искать не в знойности климата, а в чем-нибудь ином. Говорят: южный человек ленив оттого, что меньше ему надобности в труде для поддержания жизни, по благодатности климата. Так, в тропическом климате природа щедрее и пищи нужно меньше, но для доставления удобной житейской обстановки человеку и там нужно очень много труда. Если мы должны трудиться, чтобы оградить себя от холода, там нужно трудиться для доставления себе прохлады. Нынешние археологи объяснили, почему вавилонские дворцы имели стены такой чудовищной толстоты: она была нужна, чтобы сохранять прохладную температуру в комнатах. Как нам нужно возить в наши жилища дрова или каменный уголь, так жителям тропических стран нужно привозить к себе лед. Сколько хлопот, неизвестных нам, нужно было бы для них, чтобы защитить себя от множества гадин и ядовитых насекомых, наполняющих дома в тропических климатах. Бесспорно, труд на юге гораздо успешнее, но и там его нужно столько, что некогда было бы человеку облениться; человек и там впадает в апатию не от климата и не от собственной охоты, а от таких же обстоятельств, по каким впади в апатию все жители всех провинций Римской империи в эпоху ее падения. Возьмем для точнейшего разбора одну собственную Италию. Сабинцы, самниты, латины, этруски — какие энергичские, какие трудолюбивые люди были все эти народы во время своей независимости и потом по соединении с Римом, пока Рим сохранял себя и их под хорошими учреждениями. Но когда пали эти учреждения и, начиная с последнего времени республики, водворились те бедствия, гибельное влияние которых на энергию народного труда мы указывали в примечании 21-ом (стр. 113—114), все племена, населявшие Италию, обленились, стали никуда негодны ни в экономическом, ни в каком другом отношении. Причин лениности, какой предаются почти все жители тропических стран, надобно искать, во-первых, в экономическом устройстве этих стран; в Ост-Индии, например, земледелец сколько бы ни работал, все-таки остается в нищете: земиндары, тулукдары и т. д. берут у него все, что превосходит меру нищенского продовольствия. Во-вторых, причиной апатии служит та особенность исторической судьбы азиатских земледельческих стран, которую мы указывали в примечании 6; это обстоятельство — слишком близкое соседство с степями центральной Азии, из которых беспрестанно вторгались дикие завоеватели, было основанием и того, что вот уже несколько тысячелетий Ост-Индия жила в самом убийственном для народа экономическом устройстве.

чтобы во время работы работать всю свою силу и особенно всей своей душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менее часов в дне, менее дней в году и менее лет в жизни.

4. Третий элемент, которым определяется производительность труда в обществе, — искусство и знание, находящееся в этом обществе, в самих ли рабочих или в людях, управляющих их трудом. Не нужно доказывать того, как сильно увеличивается успешность дела ловкостью рук человека, если дело состоит в простых рутинных процессах, сообразительностью человека, если в деле важную роль играет ум, наконец размером знания о естественных силах и качествах предметов, обрабатываемых на производство дела. Размер производительности народного труда определяется размером технических знаний в народе, — это очевидно; всякий прогресс технических искусств, всякое улучшение в применении предметов или сил природы к промышленным целям дает прежнему количеству труда при прежней интенсивности возможность получать большую сумму продуктов.

Одна из главных отраслей этих улучшений — изобретение и употребление инструментов и машин. Нашему трактату нет надобности подробно объяснять, каким путем инструменты и машины увеличивают производство и дают экономию в труде; это подробно изложено и объяснено примерами в известной книге Бембеджа «Машинная и фабричная экономия» (Economy of Machinery and Manufactures), написанной популярно и с тем вместе научно. Целая глава у Бембеджа составлена из примеров того, как машины «действуют силами, превышающими силы человека, и совершают работы, слишком нежные для человеческих рук». Но нам не нужно ходить так далеко за примерами работ, которых человек решительно не мог бы сделать одним своим трудом. Без водоподъемных машин, движимых паром или другими средствами, часто было бы решительно нельзя вылить воду, собирающуюся в рудниках, и рудники надобно было бы бросать на небольшой глубине; без кораблей и лодок нельзя было бы переезжать через море; без инструментов хотя какого-нибудь рода нельзя ни срубить деревьев, ни выламывать камней; без плуга, или по крайней мере заступа, нельзя взрыть землю для посева. Но очень простые и грубые инструменты достаточны для исполнения (трудного или легкого исполнения, мы не говорим) почти всех работ, какие до сих пор делались людьми, и дальнейшие изобретения служили главным образом уже к тому, чтобы эти работы могли исполняться в лучшем виде и с гораздо меньшим количеством труда, а труд, сберегаемый через это, мог обращаться на другие занятия.

Употребление машин далеко не единственный способ, которым обнаруживаются результаты знания в содействии производству. В земледелии и садоводстве механика только теперь начинает показывать, что может сделать нечто важное сверх изобретения и постепенного совершенствования плуга и других малочисленных простых орудий. Важнейшие земледельческие изобретения состояли донныне в прямом приложении более умных процессов к самой земле и к растениям, воспитываемым на ней. Таковы, например, плодopеменная система, избавляющая от необходимости оставлять землю без возделывания на один год из двух или трех годов; усовершенствованные удобрения для восстановления ее плодородности, истощенной жатвою; обращение болот и мокрых мест в удобную землю; оказавшиеся наилучшими по опыту способы подчистки, воспитания и прививки растений и деревьев; более редкое сажанье корней или семян дорогих растений и полнейшее разрыхление почвы для них и т. д. В фабричном и торговом деле некоторые из важнейших улучшений состоят в сокращении времени, в том, чтобы выручка быстрее следовала за трудом и затратою. Выгода других улучшений состоит в экономии материалов.

5. Но влияние расширения знаний общества на увеличение его богатства не нуждается в длинных объяснениях, потому что для самых малообразованных людей оно стало знакомо по таким очевидным примерам, как железные дороги и пароходы. Не так хорошо понимается и не так ясно чувствуется всеми экономическая важность общего разлития образованности между наро-

дом. Число лиц, приготовленных к управлению промышленными предприятиями или хотя бы к исполнению работы, которую нельзя обратить в дело почти одной памяти и рутины, всегда гораздо меньше запроса на них; это видно из громадной разницы между платою, даваемою таким людям, и платою за обыкновенный труд. Недостаток практического соображения, делающий большинство людей рабочего класса такими слабыми в расчетах (делающий, например, это большинство столь непредусмотрительным, небрежным и беспорядочным в домашнем хозяйстве), отнимает у них способность ко всякому умственному труду, кроме самого ничтожного, и от этого их работа далеко не так производительна, как была бы при такой же энергии труда у людей умственно развитых. Даже с этой узкой точки зрения народное воспитание так важно, что очень следовало бы политическим людям заботиться о нем. Особенно должно сказать это об Англии: знающие наблюдатели, много общавшиеся с работниками разных наций, свидетельствуют, что в простолудинах других стран часто находят они большую сообразительность и без всякого образования, но что если английский работник бывает сколько-нибудь выше дровосека и водовоза, он обязан своею сообразительностью воспитанию, которое у него почти всегда самовоспитание. Цюрихский инженер Эшер (имеющий хлопчатобумажную фабрику, на которой работает около 2 000 людей разных наций) в своем ответе на вопросы комитета, занимавшегося исследованием о воспитании бедных детей (Этот ответ приложен к Report of the Poor Law Commissioners, 1840 год ⁶²), характеризует английского работника сравнительно с континентальными работниками такими словами, которые, сколько я знаю, будут подтверждены всеми опытными в этом деле людьми.

«Живость соображения итальянцев выказывается быстрым пониманием всякой новой поручаемой им работы, способностью живо понимать смысл поручения, приспособляться к новым обстоятельствам; этими качествами они превосходят всяких других работников. Французские работники имеют те же природные черты, только в несколько меньшей степени. Английские, швейцарские, немецкие и голландские работники, по нашему замечанию, имеют гораздо меньшую природную сообразительность. Собственно как рабочие люди, англичане бесспорно выше всех, потому что, по нашему замечанию, они все воспитаны для своего специального дела, к которому они приготовлены лучше работников других наций и на котором сосредоточились все их мысли. Но для управления делами или для разнородных поручений, для того, чтобы быть помощниками управляющего, по моему мнению, решительно способнее других саксонцы и швейцарцы, в особенности саксонцы, потому что они люди, получившие очень хорошее общее воспитание, которое расширяет их способности за узкие границы одного частного занятия и делает их пригодными исполнять после недолгого приготовления всякое занятие, какое будет им поручено. Если у меня английский работник занят установкою паровых машин, он знает это дело и уже ничего другого не понимает; к другому положению или к другим отраслям механики, хотя бы самым близким с его делом, он плохо умеет приспособляться; не умеет найти в непредвиденных обстоятельствах, дать дельный совет или написать ясный отчет, понятное письмо даже по своему делу с тех сторон, которыми оно касается других частей механики».

О связи умственного развития с нравственной надежностью в рабочем классе Эшер говорит: «Работники, которые лучше воспитаны, отличаются, по нашему замечанию, лучшими нравственными привычками. Во-первых, они безусловно трезвы; они скромны в своих удовольствиях, и самые удовольствия их разумнее, изящнее. Они любят хорошее общество, в которое входят с уважением к нему и которое потому лучше расположено допускать их; они занимаются музыкою, читают, любят театр, делают прогулки по окрестностям вроде пикников; они экономны, и их бережливость обращена не на одни их деньги, а также и на деньги хозяина; потому они честны и надежны». На вопрос об английских работниках он отвечает: «В том деле, на которое они специально воспитаны, они очень искусны, но в поведении они очень бес-

порядочны, развратны, буйны; они менее похожи на порядочных людей и менее достойны доверия, чем работники всех других наций, какие бывали у нас (этими словами я высказываю мнение всех континентальных фабрикантов, с которыми я говорил, и в особенности английских фабрикантов, которые жалуются громче всех). Эти черты испорченности не существуют в английских работниках, получивших воспитание; но в тех, которые не получили воспитания, испорченность пропорциональна необразованности. Если ослабляется над невоспитанными английскими работниками тот гнет железной дисциплины, в которой держат их английские хозяева, если начинаешь обращаться с ними вежливо и любезно, как того требуют более образованные континентальные работники, с которыми так и обращаются их хозяева, то они, — то есть английские работники, — совершенно забываются: они перестают сознавать свое положение и через несколько времени становятся решительно невозможно иметь с ними дело» *. Это замечание подтверждается опытом в самой Англии. Как только идея равенства входит в мысль простого английского рабочего человека, голова у него закруживается. Переставая быть раболопным, он становится наглым **.

Нравственные качества работников так же важны для успешности и достоинства их труда, как и умственные качества. Не говорим уже о влиянии неводержанности на их физические и умственные способности, о влиянии легкомыслия и непостоянства на энергию и постоянство работы, — эти отношения так понятны, что не нужно много говорить о них; но надобно обратить внимание на то, в какой сильной степени производительность труда зависит от доверия, заслуживаемого работниками. Весь труд, расходуемый теперь на надзор за ними во время работы и по ее окончании на проверку, исполнили ли они должное количество работы, должен считаться трудом, отвращенным от действительного занятия производством на вспомогательное отправление, вытекающее не из необходимости вещей, а из нечестности людей. Да и величайшие внешние предосторожности имеют очень малый успех, если малейшее ослабление надзора бывает, — как теперь почти неизменно бывает для наемных работников, — жадно схватываемым случаем уклоняться от исполнения договора. Выгода человечества, состоящая в том, чтобы люди могли доверять друг другу, проникает все жилы и нервы человеческой жизни; эко-

* Все эти показания развитого и опытного фабриканта заслуживают большого внимания, как и многие другие ответы на подобные вопросы, данные другими свидетелями и напечатанные вместе с ответом Эшера. — *Прим. авт.*

** Вот факты, которые человеку, поверхностно рассуждающему по рутинным убеждениям, покажутся свидетельствующими о коренной разнице в природном характере разных наций, но при внимательнейшем разборе оказываются свидетельствующими напротив, что в известном народе известные качества развиваются собственно только от обстоятельств его жизни и разницы между людьми разных наций почти исключительно, если не совершенно исключительно зависит от различия форм, которые получила жизнь по историческим обстоятельствам. Возьмем для разбора два крайние примера различных качеств, представляемые Эшером: с одной стороны, итальянца, который живо понимает все, быстро приспосабливается ко всему, но не имеет специальной подготовки ни к чему, а с другой стороны, англичанина, который лучше всех других работников исполняет свою очень узкую специальность, но за пределами этой специальности не понимает и не умеет делать ничего. Надобно ли приписывать такую чрезвычайную разницу самой природе этих двух людей? Сам Эшер упоминает обстоятельство, совершенно постороннее врожденным качествам и достаточное для объяснения всей разницы. Английский работник получил специальное воспитание, исключительно подготовившее его к отличному исполнению его специального занятия. Какая же тут природа, в чем же тут органическая особенность, если он исполняет свое специальное дело лучше итальянца? Воспитайте таким же образом итальянца, и он будет исполнять это дело также лучше других

номическая польза доверия, быть может, самая маловажная из разных сторон его пользы, но и она неисчислимо велика. Подумаем только об одной самой явной части растраты богатства, наносимой обществу человеческого нечестностью: во всех богатых обществах есть хищническое население, живущее грабежом или обманом; число его не может быть положительно узнано, но и по самому низкому счету оно очень велико в таких странах, как Англия. Содержание этих людей — прямое обременение национальной промышленности. Полиция и весь организм наказывающей власти уголовного и отчасти гражданского правосудия — второе обременение, становящееся необходимым от первого. Сословие юристов, получающее чрезмерную плату, создается и поддерживается преимущественно нечестностью людей (из другого источника происходит плата только за тот юридический труд, который создается недостатками в законах, написанных самими же юристами). Все эти издержки уменьшаются пропорционально возвышению честности в обществе. Но если уровень честности возвышается, то еще гораздо важнее этого положительного сбережения бывает громадное увеличение продуктов всякого труда, сбережение времени и расходы, — выгоды, проистекающие оттого, что работники честно исполняют дело, за которое берутся; столь же безмерна в этом случае выгода от возвышения бодрости, чувства силы и доверия, с которыми обдумываются и ведутся всякие работы людьми в сознании, что все другие люди, содействие которых им понадобится, будут верно исполнять по договору свою часть дела. Возможность союзного действия пропорциональна степени доверия, какое могут питать друг к другу люди. В некоторых европейских странах, с превосходными условиями для промышленности, чрезвычайно серьезным препятствием ведению дел в обширном размере служит малочисленность лиц, имеющих такую репутацию, чтобы им было можно верить получение и расходование больших сумм. На товары некоторых наций купцы смотрят недоверчиво, будучи не уверены в том, что качество товара окажется соответствием качеству образца. Такие близорукие подлоги далеко не беспримерны в английской вывозной торговле. Каждому случа-

итальянцев, не подготовленных к тому специально. Но это специальное воспитание, полученное англичанином, имело характер самой узкой ограниченности, рутинности, машинальности; оно убило в нем самостоятельность соображения, оно отучило его от внимания ко всему остальному, кроме его узкой специальности; натурально он оказывается лишенным сообразительности во всех занятиях, кроме своего специального дела. Итальянец, напротив того, ничему не научился искусственным воспитанием, зато и не был умственно подавлен машинальной дрессировкой. С самого детства он был предоставлен на произвол судьбы, на собственную сообразительность в своей работе. Разница между ним и англичанином не разница народностей, а просто разница степеней экономического развития в двух странах: в одной стране еще не водворилось дробное разделение труда, делящее работников как будто на касты по мелким специальностям работ; в другой стране это разделение труда уже введено. Франция занимает в этом отношении средину между Англией и Италией; французский работник сообразно тому занял средину между итальянским и английским. В Германии по историческим обстоятельствам издавна развилось над народною жизнью господство формалистики, потому немецкий работник, умственная живость которого убивается формалисткою, приближается к английскому своею тупостью в сравнении с итальянцем; но он не имеет такого высокого достоинства в специальной работе, потому что разделение труда еще не охватило массу в Германии так сильно, как в Англии; зато общее образование простонародья в Германии лучше, чем в Англии, оттого немецкий работник кажется умнее английского.

Нельзя оставить без замечания и слов Милля, что голова кружится у английских работников, когда они начинают мечтать о равенстве, и что они становятся наглыми, когда перестают быть рабоплебными. Так говорили еще римские патриции о плебейх, а прежде того греческие впаатриды о демотах, а после того английские лендлорды о самих английских фабрикантах.

лось слышать о «чортовом порошке» (devil's dust) и у Бербеджа приводится между прочим пример того, что однажды целая отрасль вывозной торговли надолго прекратилась от подделок и подлогов, бывших в ней. Наоборот, у Бербеджа приводятся не менее замечательные примеры большой выгоды, истекающей от испытанной честности в торговых делах. «В одном из наших (английских) главных городов, говорит он, ежедневно производится торговыми людьми в очень обширном размере продажа и покупка товаров без всяких письменных документов между продающими и покупающими». Производители и торговцы этого города должны в течение года получить сбережением времени, хлопот и издержек, огромный выигрыш от своей честности. «Влияние прочной репутации, внушающей доверие, замечательным образом выказывалось во время последней войны (при Наполеоне I), когда английские фабричные произведения были запрещены на континенте. Одна из наших громаднейших фирм давно имела обширные дела с торговым домом в центре Германии. Когда нарушители Берлинского и Миланского декретов (устанавливавших континентальную систему) были подвергнуты тяжелым наказаниям⁶³, английский фабрикант продолжал, несмотря на эти декреты, получать заказы с назначением, куда отправлять товары, и с определением времени и способа уплаты; заказы эти писались знакомо ему рукою, но подписью на них служило только одно имя без фамилии, а иногда не было и такой подписи. Эти заказы фабрикант исполнял, и ни разу не было никакой несправности в уплатах по ним»*.

6. Из второстепенных причин, от которых зависит производительность

* Приведем из Бербеджа несколько примеров, еще не самых важных, для объяснения того, какой убыток наносится обществу взаимным недоверием людей.

«Покупщик платит за товар стоимость его производства с прибавлением стоимости проверки того факта, что товар имеет объявляемую доброту. В некоторых случаях доброта товара видна на простой взгляд; в этих случаях не бывает большой разницы в цене товара в разных лавках. Например, доброта рафинированного сахара узнается, можно сказать, по одному взгляду на него. Потому цена сахара так одинакова и барыш на нем так мал, что в овощных лавках торгуют им почти против воли. Напротив, о доброте чая чрезвычайно трудно судить, и он может быть подмешан так, что обманывает даже опытный глаз; потому один сорт чая продается по очень разным ценам, и торговец, имеющий в своей лавке чай и сахар, продает чай гораздо усерднее, чем сахар. Трудность и дороговизна проверки в некоторых товарах так велика, что ею оправдывается отступление от несомненных принципов. Например, правительство вообще может всякий товар покупать дешевле того, во сколько обошлась бы ему самому выделка этого товара. Но, несмотря на то, правительство нашло более выгодным построить для себя огромные мукомольные мельницы (например, Детфордскую) и само молоть хлеб, покупая его в зерне, лишь бы не поверять доброту каждого мешка покупаемой муки и не употреблять людей на придумывание средств открывать новые способы подмеси, беспрестанно изобретаемые». Такое недоверие может отнимать огромный вывоз муки у целой нации (например, у Соединенных Штатов).

«Несколько лет тому назад (продолжает Бербедж) подделка, дающая старым семенам клевера свежий вид посредством процесса, называющегося лечением (doctoring), так распространилась, что возбудила внимание палаты общин. Показания, собранные комиссией палаты общин, обнаружили, что старые семена белого клевера «лечатся» легким смачиванием и просушкой в серных парах, а старые семена красного клевера подновляются в цвете встряхиванием в мешке с примесью индиго; но что когда этот способ открылся, «лекаря» стали употреблять сандаловый препарат с примесью купроса, а иногда медной яри, — этим поправлялся вид старых семян и с тем вместе уменьшалась или совершенно истреблялась в них растительная сила, уже ослабленная старостью. Если даже предположить, что хорошие семена

элементов производства, важнейшая — безопасность. Под безопасностью я понимаю полноту ограждения, какое дает общество своим членам. Где лицо, известное за человека, имеющего что-нибудь порядочное и ценное, должно ожидать, что это имущество будет у него взято, там, конечно, едва ли кто захочет производить больше, чем необходимо ему на простое поддержание жизни. Признано всеми, что в этом обстоятельстве заключается объяснение бедности многих плодородных азиатских стран, которые некогда были богаты и густо населены. Много есть средних состояний между этим положением и тою степенью безопасности, которую пользуются страны Европы, имеющие наилучшее управление. Дурная система поземельных налогов, произвольные поборы, собиравшиеся под видом налогов, — вот были причины, по которым до революции⁶⁵ во многих французских провинциях выгода каждого земледельца требовала казаться бедным и потому плохо возделывать землю. Греция и греческие колонии в древнем мире, Фландрия и Италия в средние века далеко не пользовались тем, что называется безопасностью по нашим нынешним понятиям: состояние общества в них было непрочно и бурно; личность и собственность подвергались тысячам опасностей. Но эти земли были свободными странами и вообще не терпели произвольного стеснения. Личная энергия, возбуждавшаяся их учреждениями, делала их граждан способными успешно противиться всяким другим врагам; потому их труд был чрезвычайно производителен, и их богатства постоянно возрастали, пока они оставались свободными. Римский деспотизм, положив конец войнам и внутренним столкновениям во всей империи, избавил своих подданных от значительной части прежней небезопасности; но он поставил их под сокру-

не портились от этого, все-таки обманом было то, что от подделки свежего вида рыночная цена их, как доказано свидетелями, поднималась 20-ю или 25-ю шиллингами на центнер. Но самая вредная вещь в подделке была та, что старые негодные семена делались от нее по виду равными самым лучшим. Один из свидетелей испытывал «леченные» семена и нашел, что из сотни зерен разве одно всходит, да и от него росток скоро вянет, между тем как из хороших семян обыкновенно всходит от 80 до 90 зерен на 100. «Леченные» семена продавались провинциальным мелочным торговцам, которые, конечно, старались подешевле сбыть их фермерам, — ни мелочные торговцы, ни фермеры не умели отличить поддельного семени от настоящего. Поэтому многие производители уменьшили свой посев клевера, а другие были принуждены платить слишком дорогую цену за семена его людям, умевшим отличать поддельное семя и пользовавшимся известностью, что не торгуют им».

Бebbедж говорит также, что ирландский лен недавно продавался или продается и теперь одним или двумя пенсами за фунт дешевле английского и иностранного, хотя по природной доброте не уступает никакому льну в свете; и что эта низкая цена частью происходила от небрежности в его обработке, но частью и от причины, указанной мистером Корри, который много лет был секретарем ирландской льняной комиссии: «Производители льна, почти все люди бедные (говорит Корри), думают, что очень выгодно для них обманывать покупателей. Лен продается на вес, и они разными способами делают его тяжелее; а все эти средства портят лен; особенно вредно ему подмачиванье, от которого он потом перегорает. В середину связки льна (а связки по величине неодинаковы) часто всыпают камешков и разного сора, чтобы связка стала тяжелее. В таком виде его продают и вывозят в Англию».

Комиссия, назначенная палатою общин, нашла, что производство ноттингемского кружева⁶⁴ сильно упало от выделки дурных сортов, обманчивых на вид; свидетели показывали перед комиссией, что выдывается сорт кружева, называющийся однородным (single-press), который на вид хорош, но расползается от первого мытья; что из тысячи человек не найдется одного, который умел бы отличить кружево, сделанное в однородку, от хорошего кружева; что даже сами работники и фабриканты отличают его только с микроскопом; что также необходим микроскоп для отличения подделки другого сорта, так называемого цепочного кружева (warp-lase)». — *Прим. авт.*

шающее его своей хищности, и они стали слабеть и беднеть до того, что сделались наконец добычею диких, но свободных завоевателей⁶⁶. Они не хотели ни сражаться, ни трудиться, потому что не предоставлялось им пользоваться тем, для чего они прежде трудились и за что сражались.

Кроме несовершенства оград, которыми общество сознательно окружает то, что признает собственностью, дурные учреждения мешают и другими способами выгоднейшему употреблению производительных средств страны. В следующих отделах нашего трактата представятся случаи заметить многие из этих неудовлетворительных учреждений. Здесь довольно будет заметить, что успешность промышленности бывает пропорциональна тому размеру, в каком плоды работы достаются человеку, занимающемуся этою работою, и что благоприятность всех общественных установлений для полезной деятельности измеряется сообразно степени, в какой ведут они к тому, чтобы вознаграждение каждому за труд было по возможности пропорционально производимой им пользе. Все законы или обычаи, дающие выгоду какому-нибудь сословию или разряду людей в невыгоду другим, связывающие деятельность какой-нибудь части общества в стремлении ее к своему благу или препятствующие естественным плодам этой деятельности поступать в пользу людей, занятых ею, — все такие законы и обычаи служат нарушениями основных принципов общественного экономического расчета и ведут к тому, что при них совокупность производительных сил общества имеет меньшую производительность, чем какую имела бы без них.

Глава VIII

Сотрудничество или сочетание труда

1. Перечисляя обстоятельства, увеличивающие производительность труда, мы не коснулись одного из них, которое требует отдельного рассмотрения по своей важности и по многим спорным вопросам, из него возникающим. Это — сотрудничество или сочетание многих человеческих сил в труде. Достаточное внимание политико-экономов было до недавнего времени обращено только на одну часть этого великого пособия производству, на так называемое разделение труда; она действительно заслуживает величайшего внимания, но из-за нее забывали о других случаях и проявлениях этого многообъемлющего закона. Уэксфильд, сколько я знаю, первый заметил, что одна часть предмета ошибочно принималась тут за целый предмет, что из этого возникали вредные последствия и что под принципом разделения труда лежит другой, обнимающий его собою, более основной принцип. Он показывает (в примечании к своему изданию Адама Смита, том I, стр. 26), что сотрудничество бывает «двух разных родов: во-первых, такое, по которому разные лица помогают друг другу в одной работе; во-вторых, такое, по которому разные лица помогают друг другу, занимаясь разными трудами». Первое может быть названо простым сотрудничеством, второе — сложным.

«Выгода простого сотрудничества (говорит Уэксфильд) указывается поговоркой: «две собаки вместе поймают больше зайцев, чем четыре собаки порознь». При многих случаях простого сотрудничества людей, каждому очевидно, что двое людей, работая вместе, сделают больше четырех людей или четырехжды четырех людей, работающих каждый особо от других. Поднимание больших тяжестей, подпиливание деревьев на корню, пилка леса, уборка большого количества сена или хлеба в короткое время хорошей погоды, осушение большого пространства земли в недолгий период, в какой можно успешно вести это дело, передвижение оснастки на корабле, движение больших лодок веслами, некоторые рудокопные операции, установка лесов для постройки зданий, битье камня для поправки шоссе в таком количестве, чтобы все шоссе постоянно было исправно, — во всех этих и в тысячах других про-